

Стурейко, С.А.

Европейские проблемы историко-культурного наследия

Из книги: Стурейко, С.А. *Антропология архитектурного наследия*.
Минск: Юнипак, 2010. – С. 58-77.

В большинстве дискуссий, ведущихся сегодня вокруг проблематики нашего белорусского историко-культурного наследия, одним из константных моментов является апеллирование к опыту сохранения наследия в странах Западной Европы и Северной Америки. Безусловно, как это продемонстрировано в остальных статьях автора, европейский и американский опыт содержит массу положительных достижений, того, чему белорусам стоит поучиться. Вместе с тем, изучая ситуацию на Западе вплотную, часто обнаруживаешь, что и там не все так благостно, как видится с «востока». И оказывается, что у большинства белорусских исследователей, смотрящих на чудесные архитектурные памятники из окна туристического автобуса, просто «не наметан глаз» на чужие проблемы. А они есть, и лежат так же как у нас в экономической, юридической, технологической, социальной и, наконец, в философской плоскостях. В данном очерке я попытался суммировать, подготовить достаточно короткий список (наверняка не полный) основных проблем охраны и использования объектов наследия в европейских странах. Целью публикации настоящего текста является не самоуспокоение, мол не только у нас проблемы, и отнюдь не злорадство. Цель работы – во-первых, в очередной раз показать, что ситуация с наследием в Беларуси находится вполне в русле общемировых тенденций, а во-вторых, составить представление о самых ближайших проблемах и опасностях, с которыми уже успели столкнуться специалисты в области охраны культурных территорий в более «продвинутых» странах, обобщить их тревожный опыт чтобы если не предотвратить (это, к сожалению не в силах автора), то подготовить белорусских охранников наследия к их возникновению в самом ближайшем будущем. В-третьих, весьма интересным представляется опыт поиска выхода из затруднений. Не всегда такой поиск удачен, очень часто бывает так, что новые, как казалось, эффективные решения открывают путь к дальнейшим проблемам. Часто внешне правильные решения, достигнутые с боями, не срабатывают, а разочаровывают своей неэффективностью. Все это имеет место и все это очень полезно знать при выработке собственных мер по охране наследия.

Общественно-политические условия существования наследия

Несмотря на то, что основная проблема общественных отношений по поводу историко-культурного наследия заключается в функционировании вокруг него институтов гражданского общества, о чем уже писалось в предыдущей статье, стоит еще раз обратить внимание читателя на некоторые чрезвычайно важные моменты. Проблема общественного отношения к наследию наиболее характерна для постсоциалистических стран, хотя, конечно, специалисты многих западных государств тоже видят у себя негативные моменты недостаточной вовлеченности общества в сохранение памятников. Так, проведенный в 2005 г. анализ приоритетов национальных интересов в Швеции показывает, что заинтересованность общества в сохранении культурного наследия там недостаточно высока чтобы внести в эту сферу деятельности существенные изменения. Думается, к похожим результатам приходят исследователи во многих странах.

В бытующем представлении постсоциалистического общества в период господства коммунистических режимов все решения по объектам исторического наследия проводились жестким, командно-волюнтаристским путем, исходя исключительно из идеологических либо сугубо хозяйственных соображений. Данный вопрос представляется весьма мифологизированным, поскольку даже в самые жестокие времена в 1930-е гг. в Советском Союзе внутри круга специалистов и в творческих коллективах ответственных организаций шли оживленные дискуссии о судьбах памятников. Тем не менее, идеологическую подоплеку принятия решений никто никогда не отрицал. Касалась же она в большинстве своем культовых объектов, а также памятников, воплощающих память о предыдущих политических режимах. Надо сказать, что подобная идеологическая мотивация сохранилась и по сей день. Почти 20 лет демократии

центрально-восточной Европы мало что успели изменить. Изменился только вектор трансформации, но не система формулирования целей и задач.

Так, в Литве в 2008 г. был принят закон, приравнивающий советскую символику к фашистской, что повлекло уничтожение некоторых элементов оформления фасадов зданий, построенных в советские времена, содержащих звезды, серп и молот. В Варшаве в начале 1990-х гг. бурно шла дискуссия по поводу демонтажа либо радикального изменения архитектуры Дворца культуры и науки – высотки-«подарка» И. Сталина. Повсеместно в постсоциалистических странах (за исключением только Беларуси и России) демонтированы памятники Ленину, даже если они являлись элементом продуманных архитектурных комплексов.

С другой стороны, феномен самонадеянных властных решений просоветских правительств очень быстро сменился таким же опасным феноменом власти денег, который сегодня сопровождает почти все крупные преобразования в Праге, Будапеште, равно как в Париже и Лондоне. Его сопровождает спланированная неспособность «защитников» города разработать обязательные правила, регулирующие размер новостроек в историческом центре.

Проблема заключается также в том, что по прошествии двух десятилетий свободы в независимых государствах общественность только начинает учиться грамотно и открыто дискутировать об архитектуре, и что эта дискуссия все еще полна чрезмерно радикальных точек зрения как на стороне архитекторов-новаторов, так и на стороне охраны исторического наследия.

При этом с реализацией каждого последующего варварского проекта возмущенная реакция общественности становится все более слабой. Практика работы НПО, занимающихся охраной наследия, показывает, что постепенно со спадом реформаторского рвения общественность впадает в «летаргический сон», теряет интерес к сохранению памятников. Исключение составляют все те же специалисты.

Еще одна важная проблема в данном разделе – популяризация и формирование представления о новых категориях наследия. Речь идет в основном об индустриальном наследии, деревянной застройке центра и пригородов (там, где она сохранилась), о наследии социалистической эпохи, имеющей множество ярких архитектурных черт. Далеко не везде памятникоохранная практика добивается осознания ценности данных новых видов наследия.

Несколько лучше обстоят дела с признанием мультикультурного характера городской среды. В последнее время все больше внимания уделяется еврейскому наследию, представленному кажется во всех без исключения еврейских городах. Однако проблема доминирования, общественного «протектирования» национального наследия в ущерб наследию других народов продолжает иметь место в некоторых польских городах. Во Вроцлаве и в Гданьске – городах, бывших долгое время в составе Германии, немецкие черты в архитектуре нивелируются, а польские, напротив, выпячиваются¹. То же самое происходит в Белостоке, только по отношению к белорусским и русским чертам провинциальной городской застройки. На стены домов там наносятся прежде не характерные для этой местности сграффито и т.д.

Все указанные проблемы лежат в компетенции отдельных лиц в администрации городов, но процесс принятия ими решений зачастую очень сильно подвержен колебаниям в общественном настроении.

Экономическое положение как фактор трансформации

При определении перспектив эксплуатации историко-культурного наследия трудно переоценить важность экономических факторов. Их роль может заключаться в общих макроэкономических характеристиках страны (инвестиционный климат, обеспечение гарантий частной собственности, кредитная политика и т.д.), а также в специфических условиях конкретного региона, населенного пункта либо городского района.

Например, считается, что быстрое, продуманное и равномерное возрождение исторического центра Варшавы было успешно реализовано в том числе вследствие ликвидации права частной собственности на недвижимость в социалистической Польше, в результате чего все дело оказалось в руках ответственных специалистов, не слишком обремененных соображениями о целесообразности хозяйственного использования объектов и дальнейшего извлечения прибыли. Работу такого масштаба можно было проделать в такой достаточно крайний срок только

¹ См. подробнее: Odbudowa ośrodków staromiejskich zniszczonych w czasie drugiej wojny światowej // Rymaszewski B. O przetrwanie dawnych miast. – Warszawa: Arkady, 1984. – S. 83-158.

благодаря наличию жесткой, волюнтаристской командно-административной системы с плановой экономикой.

В современном капиталистическом мире известно, что в центральной части города зачастую бурлит активная экономическая жизнь. Даже если деловой центр удастся перенести из исторической части на специально оборудованную периферию, исторический центр всегда остается местом повышенной престижности для проживания и базирования бизнеса, местом концентрации туристов и т.д., что делает его весьма привлекательным для капиталовложения. Справедливости ради необходимо отметить, что без обильных капиталовложений он потерял бы часть своей эстетической привлекательности. Однако постоянная смена владельцев, проведение дорогостоящих ремонтов, стремление к увеличению полезной площади зданий постоянно ведут к искажению их исторического облика.

Запуск свободной рыночной экономики и ее развитие в конце XX – начале XXI вв. катализировали процессы широкомасштабной трансформации и произвели существенное воздействие на культурные ландшафты. Масштабы и скорость процесса тотальной трансформации культурных ландшафтов в Чехии, Польше, в Украине и других постсоциалистических странах создали драматическое испытание для охранников наследия и консерваторов.

В большинстве европейских столиц и крупных городов на сегодняшний день в историческом центре заполнены уже практически все пустоты, можно с уверенностью сказать, что новые строительные проекты будут реализовываться только в ущерб уже существующих зданий, что, соответственно, будет означать дальнейший снос памятников. Например, по мнению чешских экспертов, хотя в настоящее время в Праге наметилась положительная тенденция выноса офисных зданий на городскую периферию, конструкции торговых центров или роскошных отелей не немного дружелюбнее к окружающей исторической городской среде. Похоже, к 2020 г. специалисты будут вынужденно констатировать, что даже если архитекторы и защитники исторического наследия наконец найдут общий язык и разработают принципиальные правила современной строительной деятельности в центре города, этот успех будет «куплен» ценой многих бездарных зданий-ошибок, которые уже безвозвратно нарушили историческое ядро Праги (об этом подробнее см. ниже).

Само по себе значительное развитие экономики, высокая степень износа фонда недвижимости являются предпосылками для сверхдоходов строительных компаний. Поэтому строительные фирмы могут позволить себе отвергать заказы, предполагающие меньший объем работы, а также отказываться от гарантий качественного ремонта старых конструкций, настаивая на радикальных вмешательствах в историческую материю.

Здесь может быть другое очень сильное инвестиционное давление делового сообщества (девелоперов), которое, по мнению некоторых критиков, по своей природе не способно производить качественную архитектуру, а только безликие дома, отличающиеся лишь выполнением разнообразных требований заказчиков. Ведь существует принципиальная разница между тем как подходит сообщество жильцов или ответственная организация при постройке места своего долговременного проживания (работы) и тем, как возникает переработанный потребительский продукт, который девелоперская фирма немедленно по окончании строительства стремится максимально выгодно продать или сдать в аренду по кусочкам. Та же Прага до сих пор не выработала иммунитет к таким сомнительным строительным проектам в историческом центре.

Например, очень актуальная проблема – уменьшение с ростом стоимости недвижимости жилой функции исторических районов, что разрушает аутентичность их функционального назначения. Еще одна проблема, с которой с переменным успехом сражаются во многих странах Евросоюза, и которая окончательно поразила российские, украинские и некоторые польские города – это обилие рекламы. Реклама – двигатель торговли, своим агрессивным видом, большим размером может просто заслонить исторические объекты, поэтому ее размещение должно быть очень строго регламентировано. И, тем не менее, реклама, как сорная трава, находит способы пробиться. Плакаты гигантских размеров очень часто появляются на строительных лесах, покрывающих фасады ремонтируемых зданий. Так, в начале 2000-х гг. рекламные щиты закрывали стены Мариацкого костела в Кракове – визитной карточки города. Правда, это дало часть средств на реставрацию костела.

Пример частичного экономического решения данной проблемы может быть взят из Шведского опыта. Согласно тамошнему закону о культурном наследии собственникам зданий и территорий полагается финансовая компенсация в случае если они имели большие расходы, связанные с выполнением охранного законодательства, когда им запрещалось изменять здания

или ландшафт. Однако такого экономического ресурса для поддержки культурного наследия явно недостаточно.

Существует необходимость разработки новой законодательной системы для защиты городского наследия, совместимой с системой архитектурного планирования и системой охраны окружающей среды, активизирующей в том числе экономические рычаги охраны памятников. Строительный рынок, также как и другие экономически привлекательные рынки, всегда нуждается в ограничениях и этических нормах для того чтобы функционировать не впадая в хаос.

Юридическое обеспечение охраны

Несомненно юридический фундамент является ключевым в охране наследия. В современной охранной практике уже недостаточно создания рамочного государственного законодательства, регулирующего использование объектов. Недостаточно эффективной к сожалению остается и практика создания государственных списков особо ценного наследия, т.к. критерии включения в эти списки размыты, а выполнение охранных обязательств владельцев контролировать трудно. Теперь наиболее эффективным способом юридического регулирования использования памятников представляется утверждение специальных местных правил для каждого отдельного населенного пункта. В подобном специальном акте, принятом с широким участием большого круга специалистов и общественности должен определяться перечень физических и эстетических характеристик самих памятников и их охранных зон (включая цвет, степень озеленения, материалы для тротуаров, типы столярной и слесарной фурнитуры, пропускная транспортная способность прилегающих улиц и т.д.), которые нарушать, изменять запрещено. К сожалению, подобные законодательные акты приняты даже далеко не во всех столицах.

В Литве «Временные правила планирования развития территории» были приняты уже в 1993 г., а законодательная основа для охраны историко-культурного наследия утверждена в 1994 г. Основными проблемами сохранения наследия в Литве на уровне законодательства сегодня являются: во-первых, неадекватность дефиниций и требований, выдвигаемых различными законодательными актами; во-вторых, замещение общественных интересов частными, вызванное возможностью частного финансирования детальных территориальных планов развития, а также определения срока консервации объектов из списка наследия; и в-третьих, отсутствие финансового фундамента для проведения консервационных работ, замена их на ограничения по использованию и реконструкции.

Эстония приняла «Закон о планировании и строительстве» в 1995 г. В Эстонии при его осуществлении возникло затруднение: каким образом привлечь людей к участию в процессе планирования строительной активности? Также имели место недостаток экспертов-профессионалов в небольших городах и сельских муниципалитетах, недостаточная юридическая ответственность граждан и администрации на местах (особенно в больших городах), недостаток опыта как у экспертов, так и у самих строительных фирм.

В Латвии «Условия пространственного планирования» должны быть обновлены т.к. первая их версия, изданная в 1994 г. не затронула множество важных вопросов, таких как определение необходимого круга документов и шагов при осуществлении процесса планирования, учет общественного мнения в планировании, а также определение экологического воздействия.

В Швеции Закон о культурном наследии и Закон об общественных памятниках регулируют защиту только памятников, находящихся в государственном списке наследия. Однако их количество очень мало по сравнению с количеством зданий реально составляющих историческую застройку. Тотальная охрана всех археологических памятников иногда создает проблемы для средневековых городов. В Законе о строительстве и проектировании присутствуют некоторые очень хорошие и полезные положения, но они не до конца исполняются, потому что закон этот применяется в основном при создании новых зданий или реконструкции старых зданий по новым стандартам. Существует потребность в регуляторных актах, касающихся поддержания и охраны исторических зданий и территорий. Действие экологического закона не находит достаточного применения в процессе планирования застройки².

² См. подробнее: Baltic Sea Region Co-operation on Sustainable Urban Heritage Management. – Copenhagen: TemaNord, 2003. – 97 p.

Повсеместно в западных странах региональные и локальные программы охраны культурного наследия уже устарели и не способны более воздействовать на процессы планирования и строительства новых зданий. Процесс внесения новых объектов в охраняемый список достаточно сложен, поэтому он пополняется редко.

В связи с таким положением дел законодателям необходимо в срочном порядке принимать актуализированный свод правил, регулирующий ясные и конкретные условия строительных и ремонтных работ. Органы, контролирующие исполнение этого законодательства, должны быть независимы от политической воли местных муниципалитетов, иметь более высокую юрисдикцию. Одним словом, необходимо создать такие правила, чтобы охрана памятников и архитектурное развитие исторических центров были следствием продуманного долговременного плана, а не моментальных политически и финансово обоснованных идей.

Культурное наследие очень часто рассматривается как основа для дальнейшего общественного развития. Новые пути охраны наследия постоянно дискутируются. Новая концепция формирования региональной культурной политики согласно Европейской перспективе устойчивого развития (European Spatial Development Perspective) уже предложена. Также в рамках Евросоюза уже зафиксирована первая попытка законодательного разрешения противоречия между частными интересами собственников и инвесторов и общественным интересом в сохранении памятников – в 2005 г. в португальском г. Фаро была принята Рамочная Конвенция Совета Европы о важности культурного наследия для общества³. Ожидается, что властные органы, занимающиеся охраной наследия, будут вовлечены в развитие законодательства по охране памятников как на государственном, так и на региональном и локальном уровнях.

Даже самые мудрые законы и декларации могут оказаться бесполезными, если в государстве не налажена организационная основа для их исполнения. Организация институтов, занимающихся контролем над эксплуатацией исторических объектов и строительной деятельностью в зонах исторической застройки – очень тонкая и ответственная работа. Большинство граждан не обладают должными знаниями о теории наследия или о консервации. Ввиду специфики некоторых объектов и безответственности контролирующих органов может создаться почва для злоупотреблений, приводящих к разрушению ценных свойств памятника иногда вплоть до полного его уничтожения.

Новая архитектура

Если в коммерчески-привлекательной исторической застройке существует лакуна, она непременно будет занята новым зданием. Вопрос лишь в том, какой облик оно примет. Это может быть копия здания, занимавшего это место ранее, здание, не являющееся копией, но стилизованное под определенную историческую эпоху (как правило, выбирается доминирующий в данном районе стиль), здание, являющееся воплощением представлений о современной архитектуре, сохраняющее пропорции, типичные для места расположения либо, наконец, здание, отрицающее необходимость подчинения любым пространственным нормам. У каждого варианта присутствует своя мотивация и трудно сказать, есть ли среди них единственно правильный. Скорее всего дело в уместности и обоснованности выбора того или иного конструктивного и дизайнерского решения.

23–24 октября 2000 г. в Риге состоялся семинар «Аутентичность и историческая реконструкция культурного наследия». Семинар рассмотрел многие наиболее болезненные вопросы реконструкции в регионе. Основной целью семинара было разработать структуру анализа предложений по реконструкции, которая могла бы использоваться для направления местных дебатов и для гарантирования того, что реконструкция, когда и если она происходит, отражала бы консенсус относительно ее уместности. Семинар также был предназначен для того, чтобы повысить осведомленность принимающих решения специалистов и политиков при рассмотрении соответствующих вопросов реконструкции и аутентичности. Окончательный результат дискуссии содержался в Рижской хартии по аутентичности и исторической реконструкции, утвержденной участниками при завершении конференции⁴.

³ Полный текст см.: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/199.htm>

⁴ См. подробнее: Стовел Г. Комментарии, касающиеся конференции и Рижской хартии // <http://www.heritage.com.ua/spadshina/restavracija/index.php?id=59>

Хартия содержит предостережение от бездумных, политически мотивированных реконструкций зданий «с нуля». Если подобные действия и предпринимаются, они должны носить ограниченный характер и быть результатом консенсуса специалистов и широкого круга общественности.

Вопрос о современных зданиях, стилизованных под старину, так называемой «новой старине», активно дискутируется. С одной стороны, стилизация являет городу строение, минимально конфликтующее с окружающей исторической средой. Оно усиливает стилевую гармонию застройки, благотворно влияет на формирование исторического имиджа города. С другой стороны оно является как бы подделкой, и фактом своего существования может вводить граждан в заблуждение относительно реальной истории населенного пункта. Подобные здания «нарушают» естественный ход исторического развития старой городской застройки. Стилизованный проект игнорирует современные передовые архитектурные решения, не отражает духа времени – одного из свойств архитектуры, и поэтому не может считаться подлинным произведением искусства. Правда, в современном постмодернистском обществе произведение искусства может рядиться в любые исторические формы. Ответственные за охрану историко-культурного наследия органы – международные и локальные – в большинстве случаев активно выступают против «новой старины».

Как правило, поборники стилизованных построек имеют железный довод, что современные здания, созданные в соответствии с жесткими формалистическими принципами, разочаровывают городских жителей гораздо чаще, чем радуют. Несмотря на наличие ряда успешных проектов в большинстве случаев современная архитектура находится в большом конфликте с собственным историческим окружением. Даже установление правил для ограничения размера проектируемых зданий по высоте, по использованию натуральных материалов в оформлении фасадов, по применению приемов традиционного народного творчества не гарантирует приемлемого результата.

Как компромиссный, здесь может быть рассмотрен финский опыт. Текущая парадигма новой архитектуры в Финляндии с умеренным успехом продолжает применяться в хорошо сохранившихся городских ансамблях, где единообразие существующих с давних пор зданий сохраняет аутентичную среду, и в этом смысле уверенно противостоит современным интервенциям. К сожалению, такие хорошо сохранившиеся ансамбли являются большой редкостью. Гораздо чаще исторические городские пейзажи уже разорваны. В финских городах в основном уже присутствует одновременно историческая прямоугольная и современная «раскрытая» архитектурная планировка, перемешанные друг с другом. В таких случаях невозможно разработать удовлетворяющую всех концепцию современной застройки пустующих территорий следуя современным правилам, и наиболее правильным решением видится копирование старых принципов организации пространства и архитектурного стиля.

Даже сегодня решением проблемы в Финляндии считается строительство новых зданий с применением бескомпромиссного современного архитектурного языка или в лучшем случае те же современные архитектурные решения, рядящиеся в псевдотрадиционное обличье. Большинство подобных путей приводят к неудовлетворительным результатам. Новые здания не отвечают требованиям, выдвигаемым окружающей их застройкой, не достигают тем самым художественного уровня старых зданий в их историческом контексте. Вопрос о современной архитектуре в историческом окружении остается на сегодняшний день одним из самых актуальных. Финские архитекторы продолжают искать новые пути решения встающих перед ними затруднений.

Таким образом, единого решения проблемы новых зданий в историческом окружении не существует. Даже всевозможные международные хартии во-первых, не могут дать исчерпывающего ответа для всех стран и городов, во-вторых, содержат достаточно мягкие формулировки, допускающие расхожую трактовку и носящие к тому же рекомендательный характер. При выработке конкретных решений необходимо изучать международный опыт и вырабатывать собственные творческие решения.

Изменение облика исторических городов

В реновации исторических центров старых городов можно выделить по крайней мере три основных направления. Исследователи дают им следующие названия: османизация, брюсселизация и макдиснейлендизация.

Османизация – глобальная перепланировка и санация городского пространства, улучшающая инфраструктуру города согласно продуманному плану. Побочным эффектом этих мероприятий может быть утрата значительного количества архитектурных памятников.

Название это явления получило по мероприятиям барона Ж. Османа в Париже в 50–60-е гг. XIX в. Его план преобразования французской столицы включал уничтожение общинного уклада парижан. Промышленность, мелкое ремесло, а вместе с ними и рабочий класс переселялись на окраины. Было проведено «исправление» исторически сложившейся планировки Парижа путем пробивки и застройки новых широких магистралей, увязанных в одну систему с уже сложившейся столичной осью восток-запад. Мероприятия Османа существенно повлияли на планировку Парижа и заметно сказались на его общем архитектурном облике. Вновь пробитые магистрали были практически заново обстроены многоэтажными домами с характерными мансардами.

Похожим трансформациям подверглись и многие другие исторические города Франции, Германии и Австро-Венгрии. Однако это явление кардинальной переделки, улучшения отнюдь не исчерпало себя в модернизирующемся XIX в. Оно имело место например после Второй мировой войны, когда решалась судьба разрушенных и полуразрушенных европейских городов. В то время власти воспользовались разрушениями для того, чтобы разрешить многие вопросы времени, которые ранее разрешить было очень сложно ввиду существования большого объема архитектурного наследия. Тут уже сохранение и восстановление полуразрушенных памятников ставилось в подчиненное положение решению других жизненно-важных проблем. Османизации подверглись исторические центры Роттердама, Берлина, Кельна, Варшавы и других городов.

Брюсселизация – это практика беспощадной к наследию коммерческой строительной активности, заключающаяся в беспорядочном сносе старых аутентичных зданий, в лучшем случае с сохранением фасадов (так называемый «фасадизм»⁵) под видом тотального обновления и улучшения городского пространства.

Название этого явления, которому сегодня подвержены и Москва и Минск, как нетрудно догадаться, происходит от столицы Бельгии и объединенной Европы Брюсселя. В 1960–70-е гг., после проведения всемирной выставки Экспо–58 была совершена грандиозная модернизация ряда городских районов. Под предлогом строительства «города будущего» целые кварталы очищались от населения и застраивались офисными зданиями. Среди снесённых памятников – и застройка XVIII в., и относительно молодой Народный дом (памятник конца XIX в., снесён в 1965 г.). «Реконструкция» Брюсселя отличалась от проведённых в XIX в. перестроек Вены и Парижа не масштабом, но отсутствием единого плана и каких-либо эстетических ограничений на новое строительство.

Результатом этого процесса стало, помимо прочего, выселение жильцов из исторического центра, а также запустение его аутентичной части. При этом неприглядный вид ценных зданий создавался девелоперскими компаниями целенаправленно для того, чтобы облегчить получение разрешений на их снос⁶.

Еще одна существенная проблема исторических зданий, расположенных в престижных центральных районах заключается в новой моде на оборудование в них чердачных жилых помещений, ранее отсутствовавших. Так называемые лофты искажают внешний вид крыш, т.к. их создание предполагает изготовление новых оконных проемов там, где их никогда не могло быть в прежние времена. Это меняет облик здания, облик панорамы крыш. Внутри чердачного помещения уничтожаются аутентичные, часто еще пригодные к эксплуатации стропильные конструкции. Иногда к подобным новым помещениям пристраиваются террасы, лоджии и балконы. Иногда на чердаке устраивается летнее кафе либо ресторан, что может привести даже к частичному демонтажу старой двускатной крыши.

⁵ Фасадизм – сохранение фасада исторического здания при полной замене его аутентичных несущих конструкций, планировки и интерьеров.

⁶ См. подробнее: François-Xavier de Donnea Insertion of modern architecture in historical centers. The case of Brussels // <http://www.dedonnea.irisnet.be/pdf/21092009histo.pdf>; Брюсселизация // <http://ru.wikipedia.org/>

Ремонт крыш является одной из самых больных тем при ремонте зданий-памятников. Самая распространенная ошибка – выбор неправильного покрытия. Если в Варшаве или в Братиславе ответственные органы строго следят за тем, чтобы на крышах зданий не оказались чужеродные материалы, то в Вильнюсе металлопрофиль и металлочерепица уже прописались в историческом центре. Бывает, что черепица заменяется на жестяное покрытие, либо на черепицу, не соответствующую по типу первоначальному оригиналу. Строители почему-то считают, что то, что не доступно взгляду прохожих с улицы может выпадать из-под действия законов об охране историко-культурного наследия. Однако шило в мешке утаить невозможно. Практически всегда можно найти такую обзорную площадку, наблюдение с которой раскрывает обман и подлог.

Специалистам по охране наследия должно быть совершенно ясно, что охрану памятников в любом историческом городе нельзя ограничить поддержанием туристически-привлекательных фасадов. Необходимо сохранять подлинную физическую основу всех исторических зданий, ведь предметом охраны является целостная материя здания, включая внутренние конструкции, планировку, аутентичные детали интерьера. Все это вместе и по отдельности дает нам материальные свидетельства о времени создания здания, о культуре того времени. Целью охраны памятников является не сохранение здания как живого организма (что предполагало бы рождение новых материальных форм и их постепенное исчезновение в связи с устареванием), но предотвращение единовременной ликвидации накопленных десятилетиями и столетиями художественных и исторических ценностей.

В случаях же, когда отдельные памятники для исполнения своих прежних функций уже не годятся (здания промышленных предприятий, бывших вокзалов и т.д.), для них необходимо подбирать новые формы использования, но не разрушать, как это сегодня часто случается во многих европейских городах. Причем новая функция не должна идти вразрез со старой, т.е. весьма нежелательно приспособлять костелы под ночные клубы или гостиницы.

Макдиснейлендизация – термин, образованный от смешения названий Макдоналдс (предприятие быстрого питания) и Диснейленд (тематический развлекательный парк). При этом первая часть как бы отвечает за интерпретацию, «веселую и вкусную» реализацию привлекательного образа второй части⁷.

Многие европейские города, живущие за счет потоков туристов, теряют здоровый облик, остаются всего лишь демонстраторами своей «старины» (порой созданной искусственно), своего изящества, не предлагая ни жителям, ни гостям ничего нового. Это такая своеобразная продажа фамильного серебра, доставшегося в наследство от созидательных знаменитых предков.

Венеция, Флоренция и бельгийский Брюгге уже давно служат примерами того, как в связи с охраной наследия город может замедлять свое развитие и впадать в кому. Венеция уже давно регрессировала в своеобразный «Диснейленд» для определенного количества ежедневно прибывающих туристов. Почти все рестораны там уже давно превращены в безликие пункты фаст-фуда, а отели стали хостелами. Все это превратилось в искусственную «историческую правду», созданную на потеху туристам с целью достать как можно больше денег из их карманов. Многие туристы бывают удивлены, когда узнают, что в городе кроме всего прочего живут обычные горожане, и даже имеется университет. Флоренция также сегодня более напоминает большой муравейник с туристами нежели реальный жилой город. Брюгге за последнее столетие трансформировался в огромный, и также по большому счету искусственный музей под открытым небом, в котором, за обилием туристов трудно узнать столицу бельгийской провинции Западная Фландрия.

Вот так многие города в Западной Европе превратились в развлекательные парки для заезжей публики. Для этой цели, безусловно, они не могли обойтись без приспособлений своего наследия для нужд туристов. Кроме того, если посмотреть на их историю, может показаться, что они сумели «отыграть время назад», и будучи в XIX–XX вв. достаточно модернизированными, затем «состарится», приобрести «неповторимый исторический шарм», «дух старины» и т.д. Такие города есть, пожалуй, во всех европейских странах. К подобной тенденции склонны и исторические центры многих других городов Старого света. Некоторые исследователи даже выдвигают гипотезу, что чем более brutальны, стандартизированы и модернизированы городские окраины, тем более стремятся к состариванию исторические центры. Все эти явления требуют отдельного серьезного исследования. Можно сказать, что проблема ретроизации находится на

⁷ См. подробнее: Ritzer G., Liska A. McDisneyization and «Post-Tourism» // Touring Cultures (ed. by C. Rojek and J. Urry). – London: Routledge, 2002. – P. 96-109.

противоположной стороне проблемы скоростной постсоциалистической модернизации, более характерной для восточноевропейских городов.

Тенденции ретроизации можно наблюдать и на постсоветском пространстве. В Риге реконструкция Дома «Черноголовых» вызвала беспокойство среди специалистов по консервации, особенно, когда были сделаны предложения расширить зону реконструкции таким образом, что это еще более нарушило бы единство современной Ратушной площади, на которой он находился. В Вильнюсе планы реконструировать дворец великих князей (утвержденные Сеймом Литвы 18 октября 2000 г.) вторгаются на территорию российских казарм, построенных в начале XIX в. Также в Вильнюсе планы реконструировать часть еврейского гетто в свое время натолкнулись на ожесточенные споры среди тех, кто видит реконструкцию как многозначительный жест послевоенного примирения, и тех, кто видит физическую реконструкцию как просто поверхностный отклик на политическую проблему намного большего значения. В Киеве небосвод опять начал резонировать с реконструированными шпилями и колокольнями исключительно богатого религиозного наследия, в значительной степени разрушенного Советским Союзом в 1930-х гг. Повсюду в постсоциалистических странах имеются или находятся в процессе реализации аналогичные планы, основанные на эмоциональном отклике на разрушительные события XX в.

Утилитарные и туристские приспособления – вопрос, который мог бы стать темой отдельного объемного исследования. Начиная с устройства витрин, оборудования дополнительных пунктов общественного питания, изготовления крупных указателей на иностранных языках, и заканчивая приборами ночной подсветки, установкой лифтов и перил. Предметом размышлений в ходе проектирования подобных улучшений прежде всего должны стать целесообразность интервенций и форма их исполнения.

Постсоциалистическая трансформация наследия: пражский опыт

Поскольку Беларусь все же относится к Восточной Европе, для нас более интересным будет углубленное рассмотрение смежного опыта постсоциалистических стран, и в частности опыта богатой на памятники Праги.

Еще в 1991 г., на волне эйфории по поводу обретения свободы от советского влияния, в Чехословакии была разработана первая концепция охраны исторического ядра Праги. Казалось, что его воплощению в практику уже ничего не может помешать. Реальность, однако, была иной. Крупным инвесторам строительных компаний стало очевидно, что любые памятноохранные законодательные акты ограничивают их производственную активность. Поэтому в 1997 г., ввиду их проникновения в Пражский магистрат, было отменено постановление «Об условиях регулирования развития Пражской охранной резервации» (1985 г.), которое до тех пор упорядочивало правила ремонтов и нового строительства в историческом центре Праги. Специалисты уже около десяти лет добиваются возврата в переработанном виде данного закона, но пока без успеха.

С самого момента обретения независимости в Праге длится странная ситуация двойственности в системе охраны наследия: параллельно существуют Национальный институт охраны памятников (подчиняющийся Министерству культуры), который обеспечивает надзор, и исполнительный институт – Отдел культуры по охране памятников и общественному транспорту пражского магистрата. Последний орган действует самостоятельно так, как посчитает нужным, без оглядки на компетентное мнение профессионалов из Национального института. Не существует закона, который бы обязывал отдел магистрата подчиняться Национальному комитету.

Безусловно, отдел стремится придать своей деятельности легитимный характер. Он приглашает на свои заседания так называемых независимых экспертов, но часто случается так, что эти «независимые» эксперты предварительно в качестве «адвокатов» нанимаются теми же пресловутыми строительными фирмами. Поэтому в большинстве случаев их мнение совпадает со взглядом инвестора, противостоящего мнению Национального комитета по памятникам.

Сегодня из-за ослабления Национального института охраны памятников в Праге не осталось ни одного органа, который мог бы действенно и на долгосрочной основе гарантировать осмысленное развитие города без необдуманных волонтаристских толчков.

Первым примером, который развеял послереволюционную эйфорию, стал снос в 1993 г. необарочного Шпачкова дома в Петрском районе и строительство на его месте административного центра. Безвкусная архитектура новостройки, которая свой чрезмерный объем пытается прикрыть

могучим фризом с «живописными» угловыми башнями, как бы предзнаменовала весь дальнейший путь развития современной застройки в историческом центре Праги. Случай со Шпачковым домом возбудил общественную реакцию и привел к отставке тогдашних главных ответственных за охрану памятников лиц: председателя Национальной комиссии Веры Мюллеровой, которая как раз была против сноса того дома и руководителя отдела памятников магистрата Павла Пиркла, который снос санкционировал. Но если Мюллерова после этого навсегда ушла из органов по охране памятников, то архитектор Пиркл стал ее преемником в Национальной комиссии. На несколько лет возник сыгранный тандем этих двух органов, одобряющий без всяких затруднений все новые строительные проекты в историческом центре Праги. Если бы существовала какая-нибудь награда за хитроумные бюрократические авантюры, данная пражская «рокировка» вполне могла бы претендовать на первый приз.

Негативным примером для подражания послужили также действия чешского парламента. В первые годы после получения независимости он самовольно изъял из-под юрисдикции закона о реституции дома, непосредственно прилегающие к зданию парламента в самом сердце одного из исторических районов Праги Малой Страны, устроил в них офисы для собственных служащих, при этом проведя ремонт, не соответствующий охранному законодательству. Фактически имело место отчуждение имущества. Но самое главное – был дан импульс выселению жителей из центра города. Теперь, после экспансии офисов, отелей и торговых центров жилые дома в историческом ядре занимают сравнительно небольшую долю. Ремонт новых зданий парламента показал, что на новый закон о культурном наследии можно не обращать большого внимания.

Следующим дерзким шагом со стороны парламента стало получение им бывшего дворца Кинских на ул. Нерудовой с переустройством под жилье для депутатов (оборудование 40 квартир). Несмотря на протесты профессионалов от охраны памятников там же был построен подземный гараж на 80 автомобилей, уничтоживший археологический слой глубиной 6–9 м с остатками самых старых оборонительных укреплений Малой Страны XIII в. В надземной части здания после ремонта ренессансные стропильные конструкции были демонтированы, также как и часть расписных ренессансных перекрытий.

В близком соседстве с этим зданием были выделены дома и для вновь учрежденного сената. Он забрал для себя известный Вальдштейнский дворец, бывший предметом невыполненного реституционного иска, соседние с ним дворцы Коловратского и Малого Фюрстенбергского. Похожие проблемы невыполнения охранного законодательства самими государственными органами можно встретить во многих европейских городах⁸.

Теперь в Праге с каждым годом становится все больше исторических зданий, от аутентичной материи которых остался один лишь фасад, хотя, по сути, они уже являются новостройками, как, например, торговый центр «Палладиум» на пл. Республики, открытый в 2007 г.

Следствием мощной рекламной кампании производителей обычной практикой стала замена старой, даже еще пригодной к использованию строительной арматуры, деревянных перекрытий, полов, окон и дверей и т.д. Борьба с этим процессом практически невозможно. В лучшем случае старые деревянные потолочные конструкции сохраняются, реставрируются и навешиваются поверх новых железобетонных перекрытий.

Уже с начала 1990-х гг. в пражской охранной резервации наступает период фасадизма. Самым знаменитым примером тут может послужить «ремонт» в 1995 г. дома на Вацлавской площади, известного как «Дарекс». Уничтожение необарочного дома (с сохранением исторического фасада) развязало жаркие дискуссии, возникшие главным образом из-за нахождения при раскопке нового котлована в этом месте остатков средневековой аптеки. Новый недружелюбный памятникам проект никак не согласовывался с найденными фрагментами, поэтому им пришлось полностью уступить место новостройке.

Еще более бурные дебаты разожгло в 1997 г. большое строительное предприятие Чешского страхового общества на ул. Владиславской, где таким же образом был стерт с лица земли неоренессансный памятник. Кроме всего прочего во время раскопки нового котлована были обнаружены еврейские захоронения XIII–XIV вв. После долгих разбирательств между страховой компанией и еврейской общиной было принято не очень понятное решение о создании над могилами бетонного саркофага, который одновременно стал фундаментом нового дома (опять же

⁸ См. подробнее: Biegel R. Systém státní památkové péče a jeho pražské problémy // Věstník Klubu Za starou Prahu. – 2005. – № 3. – S. 5-8.

с сохранением старого фасада). Уничтожение же охраняемого памятника не привело для инвестора ни к каким последствиям.

По-настоящему сильным потрясением для чешской и международной общественности стал варварский ремонт визитной карточки Праги Карлового моста, осуществленный в 2008–09 гг. фирмой SMP CZ. Ремонт осуществлялся с применением современных технологий мостостроения, с заменой немногих сохранившихся аутентичных деталей на современные, изготовленные по грубому подобию старых, без надлежащего надзора за исполнением работ, в условиях тотального нарушения чешского памятникоохранного законодательства. За два месяца в организованном в Интернете сборе подписей под петицией против продолжения ремонта и за привлечение к ответственности виновных в халатном отношении к памятнику свои подписи поставили почти 20 тыс. граждан⁹.

Таким образом, внимание при организационном обеспечении охраны наследия должно быть сфокусировано прежде всего на проектной деятельности, а также на определении соответствия реально выполняемых работ заявленным в проекте. Очень часто имеют место такие явления как подкуп экспертов, обман действительно независимых экспертов через подлог чертежей. Единственным противоядием этому может быть, пожалуй, только высокая гражданская сознательность чиновников.

Что касается проблемы вторжения современной архитектуры в исторический центр, то в Чехии архитекторы, ввиду подавляющего преимущества сохранившейся аутентичной исторической застройки, полностью отказались от «новой старины» и потому могут позволить себе архитектурные эксперименты.

С начала 1990-х гг. Прагу охватил строительный бум, который по интенсивности можно приравнять к ситуации между двумя мировыми войнами. Среди новых построенных зданий мы находим целый ряд таких, которые существенно навредили своему архитектурному окружению и очень мало таких, которые его улучшили. Большинство же новостроек относится к разряду тех, которые в город ничего принципиального не привнесли и с точки зрения архитектуры исключительно паразитируют на городском лице.

Так, административный центр «Мысльбек» без остатка занял довольно большую пустоту между Овочным тргом и ул. На пршикопе (резервное место долгое время оставалось пустым и предполагалось для строительства социально-важных объектов). Строительство этого центра открыло дорогу во-первых, заполнению всех пустот в городской застройке; во-вторых – проектам, предполагающим перестройку либо снос исторических зданий ради своей реализации. «Мысльбек» стал ясной демонстрацией того, как можно самую ценную свободную площадку в Праге заполнить полностью однообразным и чрезмерно крупным административным колоссом.

Тему многоэтажных зданий в центре Праги открыл проект застройки правого угла нижней части Вацлавской площади. В одном из его вариантов была предусмотрена стеклянная башня, которая была значительно выше окружающих зданий и поэтому радикально нарушала урбанистическую структуру самого сердца исторического города. Благодаря бурной реакции профессионалов этажность проектируемого здания была снижена до уровня стоящего напротив дворца «Коруна». Последующая переработка проекта привела к его существенному улучшению. В ходе дискуссии опять многократно повторялось, что Прага – это город, в котором урбанистические акценты во многом завязаны на рельефе местности, и соответственно для нее высотные здания либо здания с выступающими башнями совершенно не подходят. Еще одной заслугой той единодушной реакции общественности стало последующее прекращение проектирования высотного строительства в историческом центре и вынос его на периферию¹⁰.

Вместе со всем вышеперечисленным в Праге существуют и другие, более положительные примеры архитектурных решений, которые отчасти вернули утраченный было кредит доверия современной архитектуре. Первым зданием, пробудившим живой интерес общественности стал «Танцующий» дом. Его динамичный волнообразный фасад органично дополнил ряд исторической застройки набережной Влтавы. Он продемонстрировал, что ключом к совмещению современной и исторической архитектуры является не историзирующая имитация, но уважение к урбанистическим условиям и регулятивам пространства.

⁹ Подробнее см.: <http://www.zachrante-karluv-most.cz>

¹⁰ См. подробнее: Veselý J. Rekonstrukce památkových objektů // Věstník Klubu Za starou Prahu. – 2005. – № 3. – S. 24-32.

Существенны также проблемы функционального приспособления новых зданий. Со второй половины 1990-х гг. в центре города начали массово возникать торговые центры. Некоторые строились на свободных площадках, другие на месте снесенных домов. Главным козырем проектов являлось отличное месторасположение в историческом центре, который большинство данных строений ощутимо испортили. Их аккумуляция в историческом ядре была следствием опять же отсутствия продуманной городской урбанистической политики, которая должна была бы с самого начала отодвигать аналогичные мегаломанские проекты на периферию центра или на окраину города. Примерами недружелюбных к историческому окружению торговых объектов могут послужить уже упоминавшийся «Палладиум», «Андел», «Теско» на Народней тшиде, «Нью-Йоркер», «Котва» и другие.

Прага продолжает решать вопросы, которые ставит перед ней время. Проблем, как видим, много, но они не мешают городу оставаться одним из красивейших в Европе.

Отбирая материалы для данной статьи, я старался опускать местную специфику и акцентировать внимание только на проблемах, вызванных объективными причинами развития экономики, сфер строительства и дизайна, последствиями глобализации, развития социальных процессов и т.д., т.е. на таких проблемах, которые катализированы объективными процессами, имеющими место в любом быстроразвивающемся государстве. Вопросы, поднятые тут, несомненно, не могут переноситься на белорусскую почву в чистом виде. Они будут накладываться на белорусские особенности.

Подводя итог, хотелось бы отметить, следуя продемонстрированному подходу, что белорусским исследователям следует обращать внимание прежде всего на опыт постсоциалистических стран, т.е. таких, в которых экономические, политические и социальные условия наиболее близки к белорусским реалиям. Более того, изучение проблематики ближнего зарубежья может быть более эффективно ввиду простоты коммуникации (отсутствие языкового барьера, простота в организации исследовательских стажировок и т.д.). Учет международного опыта не следует ограничивать знакомством с иностранной литературой. Необходимо ездить в другие города, оценивать местную проблематику во всем богатстве нюансов, знакомиться с местными специалистами и исследователями.

Кроме того, специалист, занимающийся проблемами историко-культурного наследия ни в одной стране не может быть только практиком. Он должен быть также и ученым, постоянно наполняющимся новой информацией и пытающимся на основе этой информации синтезировать, выработать новые теории, концепции, практические решения. Только в этом заложен ключ к успеху. Бесплезно уповать только на международный опыт или на рекомендации международных организаций. Наши собственные решения, замешанные на креативной интерпретации нашей собственной специфики – вот то, что может сделать нас интересными миру.